

Ольга Карпович

повесть

Всё

перешиется

Ольга Юрьевна Карпович

Все перемелется

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«...Мать, однако, вечером, когда Вадим сообщил ей о предстоящей поездке, впечатлилась по полной:

– Ой, Вадюша, как хорошо, я тебе список напишу, чего купить...

– Мать, – покровительственно прервал Вадим. – Ну ты че, в самом деле? Давно ж уже не совковые времена, и у нас все купить можно.

Мать, однако, переубедить было нельзя, она все еще помнила те времена, когда за любым дефицитом надо было переться в Москву и «доставать» там через знакомых.

– Вот, бывало, Анна Федоровна всегда мне помогала, – мечтательно вспоминала мать. – Она тогда директором в продуктовом была, так мне в дорогу и колбаски финской соберет, и икорки пару баночек отложит.

– Это че за Анна Федоровна? – сморщил лоб Вадим. – А-а-а, это та баба, дальняя родственница, у которой мы с тобой тогда на раскладушке спали?

– Ты помнишь, да? – обрадовалась мать...»

Ольга Юрьевна Карпович

Все перемелется

В среду шеф неожиданно вызвал Вадима в кабинет и объявил, что тому предстоит командировка в Москву. Нужно было пройти программу обучения работе с новой компьютерной системой безопасности, которую собирались внедрить в их конторе. Ехать Вадиму было неохота – чего он в той Москве не видал? Мать его и в детстве возила на каникулах посмотреть столицу нашей необъятной Родины, и в студенческие годы мотался как-то раз с дружбанами потусоваться в московских клубешниках. В общем, ничего нового от поездки он не ждал. А насчет обучения – так можно подумать, он сам, двадцатипятилетний программист, не разобрался бы с программой – подумаешь, бином Ньютона. Но раз начальство эту фишку с командировкой замутило, значит, надо ехать, ничего не поделаешь.

Мать, однако, вечером, когда Вадим сообщил ей о предстоящей поездке, впечатлилась по полной:

– Ой, Вадюша, как хорошо, я тебе список напишу, чего купить...

– Мать, – покровительственно прервал Вадим. – Ну ты че, в самом деле? Давно ж уже не совковые времена, и у нас все купить можно.

Мать, однако, переубедить было нельзя, она все еще пом-

нила те времена, когда за любым дефицитом надо было переться в Москву и «доставать» там через знакомых.

– Вот, бывало, Анна Федоровна всегда мне помогала, – мечтательно вспоминала мать. – Она тогда директором в продуктовом была, так мне в дорогу и колбаски финской соберет, и икорки пару баночек отложит.

– Это че за Анна Федоровна? – сморщил лоб Вадим. – А-а-а, это та баба, дальняя родственница, у которой мы с тобой тогда на раскладушке спали?

– Ты помнишь, да? – обрадовалась мать. – Конечно, мне ведь так хотелось тебе Москву показать. А в гостиницу тогда было не попасть. Вот мы у Анны Федоровны и останавливались, спасибо ей огромное. Значит, помнишь про раскладушку? А лошадок, лошадок деревянных помнишь? Она тебе играть давала, тебе нравились очень...

– Че-то припоминаю, – лениво протянул Вадим.

Ему действительно припомнилась вдруг миниатюрная резная деревянная лошадка, удобно помещавшаяся в ладони, которую он таскал по вытертому багровому ковру туда-сюда. Встал перед глазами летний день – солнечные квадраты, лежавшие на этом самом ковре – в одном из них сидел он, пятилетний Вадик, – трепыхавшаяся над окном кружевная занавеска, запыленные листья липы, лезущие через подоконник, звон трамваев с улицы. Увидел он и мать, еще почти девчонку, вырядившуюся ради приезда в Москву в свое единственное выходное платье с люрексом, и немолодую,

но крепкую, коренастую женщину с пучком седых волос, которая помогала матери заворачивать в газету великолепные яства.

– Бери, бери, Шура, ничего, дотащишь – ты вон какая молодая да сильная, – понукала мать женщина. – А мальчугану твоему витамины нужны, питание хорошее. Ну что там в вашей Караганде достать можно!

– Да-а, хорошая женщина Анна Федоровна была, сердечная, – пригорюнилась мать.

– Была? Она откинулась уже, что ли? – поинтересовался Вадим.

– Жива она, что ты, – отмахнулась мать. – Только так жива, что уж лучше б... Умом она тронулась на старости лет, а девки ее бесстыжие – Галка и Ирка – в богадельню ее сдали, чтоб жить не мешала. Вот ведь как она, жизнь-то, складывается. Всю дорогу она всех на себе тащила, а как сдала, так и вышвырнули ее как собаку. И вся жизнь-то у нее была трудная, тяжелая, так хоть бы под старость покой – и того не дали!

– Да ладно уж, прям тяжелая, – скептически ухмыльнулся Вадим. – Жила себе, считай, в Москве, в отдельной квартире. И работа не пыльная – завмагом продуктового, спину особо ломать не надо, опять же жрачки дома всегда навалом.

– Да что ты знаешь-то, – обиделась мать. – Это уж потом, в последние годы она в Москву попала. А до этого так помогал ее по всему бывшему Союзу, что не дай бог. Когда я еще

ребенком была, тетя Аня много со мной возилась, но про жизнь свою, конечно, не рассказывала. А вот в тот приезд как раз, когда на раскладушке мы с тобой спали у нее, сиделись мы с ней как-то за полночь, она мне и порассказала про все. Ну а потом уж в письмах писала. До самого последнего времени мы с ней переписывались, пока она еще в рас-судке была. Я над ее письмами, бывало, чуть не плакала.

– Ну, мам, ты извини, тебе это несложно, – засмеялся Ва-дим. – Я от тебя диск с «Титаником» два года в кладовке прятал.

– А вот ты послушай, прежде чем над матерью потешать-ся, – заявила мать и начала рассказывать.

* * *

Анне, возможно, за всю ее жизнь не было еще так страшно и одиноко, как сегодня. Казалось бы, пора было привыкнуть к потерям. Война унесла жизни самых дорогих людей, тех, кто ее по-настоящему любил – отца Федора и старшего брата, Михаила. Сестра Валечка уехала из села, где еще недавно жила большая семья Шкановых, на заработки в далекий Казахстан, младший брат Митя подался туда же. На стройку, зарабатывать деньги. Вот теперь и мать, Полина, собралась за своими любимыми младшими детьми.

Анна знала, что мать ее не любила. Не то что она как-то не удалась или что-то с ней было не так, наоборот, Анна была

здорова, отзывчива и всегда покорна воле родителей. А вот не любила ее Полина, и все тут. С детства поручала самую тяжелую, почти непосильную для детских рук работу, с которой маленькая Анюта кое-как все же справлялась. Ни слова ласкового у матери не было припасено для старшей дочери, ни ободряющего взгляда. С детских лет Аня только и знала, что есть семья, есть младшие дети, о них надо заботиться, матери не перечить, с отцом быть всегда вежливой и покладистой.

А вот отец привечал маленькую Анюту. Анне очень не хватало сейчас этого молчаливого и крепкого бородача, ее отца, Федора Шканова. Он, в отличие от матери, был всегда рад ее присутствию, почти не одергивал маленькую Аню, а когда та стала постарше, вырезал для нее замечательные игрушки из бересты. Игрушки у отца, знаменитого на весь Ишимский район, откуда вся их семья была родом, краснодеревщика, получались как живые. Резные лошадки того и гляди готовы были сорваться в галоп, а миниатюрные балерины – закружиться в неистовом танце.

Вспомнилось, как отец, высокий, широкоплечий, от которого всегда вкусно пахло свежеструганым деревом, а в бороде запутывались золотистые стружки, сажал ее на колени и весело подбрасывал вверх, топая ногами. В эти минуты зашуганная, тихая, неласковая Анюта хохотала отчаянно. Затем отец просовывал руку в карман рубахи:

– Гляди-ка, птичка-невеличка, что я тебе принес!

Он раскрывал перед девочкой свою большую, мозолистую, сильную ладонь, и Аня, затаив дыхание, рассматривала тонко сработанную резную деревянную лошадку.

Эти маленькие подарки из детства она хранила всю жизнь как воспоминание об отце.

Когда брат с отцом погибли, Анне было очень горько и одиноко. И она, хоть и крещенная в детстве по настоянию Федора, все же не совсем понимала, где же они сейчас, отец и брат, и как надо молиться, чтобы душам двух самых любимых людей было мирно и покойно. Поэтому Аня украдкой плакала ночами – тихо, беззвучно, чтобы не услышала Полина ее всхлипов, доносящихся из чулана, где ютилась Аня. Ей не хотелось показывать матери свою слабость.

Теперь вот и мать уезжала, оставляла ее одну, якобы на хозяйстве, на самом деле весьма бедном, совсем не таком, какое было у них раньше, в их родном селе, и прекрасно запомнилось Ане по детству. Пятьдесят сажень земли, две лошади – одна стреленная и сноровистая кобыла, другой – мерин Булат, дурковатый, но безотказный и спокойный в работе. Куры, гуси, индюки, разноперые утки – чего у них только не было... Что и говорить, хорошо жила тогда семья Шкановых, зажиточно. В семье не пили, не ругались, безграмотная, но работающая Полина, бывшая на десять лет моложе отца, Федора, была безоговорочно влюблена в своего талантливую мужа. А руки у того и правда были золотые: мебель, которую он делал, могла посоперничать с обстановкой в самых

богатых господских домах.

Правда, время было такое, на мебель заказов поступало все меньше, зато сметливый Федор сколотил бригаду, строил дома, вырезал окна и карнизы. Красота была в его работах первобытная, талант художника так и рвался наружу. Дома строились, семья Шкановых богатела, Федор не был ленив и объезжал на своем верном Булате всю округу, предлагая свои мастерские услуги.

Домов действительно требовалось все больше. В их богатом селе теперь руководили партийные, они активно создавали вместо индивидуального хозяйства общее, строили огромный совхоз. И вскоре у семьи Шкановых не стало ни гусей, ни индюков, ни тем более заморских уток. Все было отдано на нужды нового строящегося общества. Однако народ ринулся из голодающих городов в совхозы, и их село за какие-то полгода наполнилось чужаками. Им-то и требовались новые дома. Тут уж было не до красоты, строили быстро, вновь прибывшим негде было жить.

Однажды Федора вызвали в хату, где располагался сельсовет. Низенький усатый человек с прокуренным голосом и револьвером в кобуре сказал Федору:

– Ну что, товарищ Шканов, нужно послужить советской власти. Она тебе большое доверие оказывает – предлагает стать председателем совхоза. Мужик ты не промах – грамотный, деловой, опять же, односельчане тебя уважают. Что скажешь?

Федора лестное предложение возглавить совхоз не порадовало. Он много ездил по губернии и знал, какие дела творятся вокруг. Как расстреливают невиновных, как отбирают последнее у непокорных, обрекая тем самым их семьи на голодную смерть. И новая власть Федору очень не нравилась, и он был рожден при царизме и до сих пор скорбел о царе-батюшке, которого погубили проклятые большевики. К тому же Федор был искренне верующим человеком, по вечерам любил читать старославянские книги, доставшиеся от матери, и иногда цитировать особо понравившиеся псалмы благоговеющей перед его умом жене Поленьке.

И усатый человечек, так и буравивший душу своими подслеповатыми глазенками, доверия у него не вызвал. Появившись, Федор ответил степенно:

– Обмозговать надо. Честь великая, как бы не подвести товарищей.

– Вот-вот, – человечек, едва доходивший Федору до плеча, покровительственно похлопал его по спине. – Иди обмозгуй, с женой посоветуйся. А завтра с утра чтоб здесь был как штык.

В тот же вечер Федор с Полиной наскоро собрали все оставшиеся в семье пожитки, спрятанные в погребе царские золотые, кое-какие драгоценности, несколько шуб и немного бытовой утвари и поздно ночью аккуратно погрузили все это в запряженную меринном Булатом тележку.

Затем снял со стен иконы, обмотал их газетами и положил

под шубы. Дети были разбужены, накормлены холодной кашей, наглухо замотаны каждый во все имеющиеся одежки и также погружены в бричку. Затем на вожжи сел Федор с Поленькой.

Семья Шкановых навсегда покидала родные места. Федор знал, что ему не миновать расстрела рано или поздно, и решил стать изгнанником, лишь бы уберечь свою семью от неминуемой гибели.

Анна помнила ту ночь во всех деталях, помнила холодный, пронизывающий октябрьский ветер, высокие холодные звезды над головой, плач испуганных младших – Валечки и Митеньки, мрачное молчание старшего брата Михаила и фигурки родителей, сидящих впереди, на извозе, еле различимые в темноте. Много лет прошло с тех пор, но тот ужас Анна помнила хорошо. Ужас надвигающейся беды, холода, одиночества.

Долго колесила семья Шкановых по Сибири, боясь останавливаться где-то надолго. Отец охотился, дети собирали грибы, ягоды, сушили листья земляники – тем и питались. Аня часто вспоминала плач маленьких Валюши и Мити:

– Анька, чего все лепешки себе заграбастала, нам ничего не оставила? Есть хочется!

– Шшш... – успокаивала она младших, укрывая их, спящих в телеге, отцовским тулупом. – Не брала я ваших лепешек. Нету у нас ничего. Вот отец с охоты вернется, дай бог, зайца подстрелит.

– Я не хочу зайца! – распахивал на нее круглые глазенки Митюшка. – Зайчик беленький, хороший и хвостиком так виляет. Пусть папаша лучше волка подстрелит.

– Подстрелит, подстрелит, спи, – шептала Аня, стараясь не обращать внимания, на то, что у самой в животе урчало от голода.

Наконец одна сердобольная женщина в небольшой сибирской деревушке приютила их у себя в доме. Тут бы, кажется, и зажить спокойно, да началась война, отец и старший брат ушли на фронт, там и сгинули.

Брата Михаила забрали еще летом, вместе с другими молодыми и здоровыми парнями со всего села. Все бабы и девки высыпали провожать телегу, на которой увозили в город уже обритых наголо призывников. Мишка сидел в телеге, свесив вниз босые ноги (обмундирование парни должны были получить только в городе), и корчил Ане смешные рожи. Над загорелым лбом его белела полоска светлой кожи, на которую раньше ниспадала густая пшеничная челка.

– Не горюй, Нюська, – весело крикнул брат. – Я тебе башку самого главного фрица привезу!

Больше Анна его не видела. Похоронка пришла всего через три месяца – брат пал смертью храбрых в ожесточенных боях под Москвой.

Отец уходил в прозрачный осенний день. В воздухе, отливая на солнце перламутром, дрожали тонкие нити паутины. Полина низко надсадно выла, ваясь мужу в ноги.

– Ну-ну, – скупно сказал отец, поднимая жену. – Крепись! Детей береги. Бог даст – вернусь живой-здоровый.

Он торопливо перецеловал детей – Анна навсегда запомнила быстрое горячее прикосновение отцовских губ к виску, мягкий укол бороды. А потом калитка хлопнула – и отца не стало. Так и не вернулся он с фронта, пропал без вести.

Но все же, несмотря на все горе, вызванное потерей близких, были у Анны еще мать и брат с сестрой. А теперь Анна оставалась совсем одна. Мать, собираясь, почти не обращала внимания на притихшую старшую дочь, хлопотала, суетилась, раздумывая о том, что же ей взять в дальний путь. Поленька, после утраты горячо любимого мужа и старшего сына, ясности ума не потеряла, крестьянская хватка у нее была крепкая, и теперь она отправлялась строить новую жизнь вместе с дочерью Вале́й, обожаемым младшим ребенком, модницей, красавицей и хохотушкой. Каково же оставаться было одной Анне, Полина не задумывалась.

Мать хлопотала в избе, увязывала узлы в дорогу. Аня упрямо жалась в углу.

– Ну, чего заби́лась, бирючка? – прикрикнула на нее Полина. – Сказано тебе: как мы с Вале́шей быт наладим, так сразу тебя телеграммой вызовем. А пока ты за хозяйством присмотришь, нельзя же все так бросать, без догляда.

– Хорошо, мама, я пригляжу, Вы не волнуйтесь, – кротко ответила Анна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.